

Постсоветское пространство

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.)

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

доктор политических наук, заведующая сектором, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997,
Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

ЦИТИРОВАНИЕ: Малышева Д.Б. (2021) Постсоветская Центральная Азия
в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 82–99.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Статья поступила в редакцию 07.12.2020.

АННОТАЦИЯ. Статья ставит целью выявить отдельные направления международно-политического взаимодействия с постсоветской Центральной Азией (ЦА) крупных экономических держав Азии: Китая, Индии, Японии. Решается задача определения их интересов в Центрально-Азиатском регионе с упором на политическую составляющую. Рассматривается современное состояние политического сотрудничества Китая, Индии, Японии и стран Центральной Азии. Охарактеризованы их совместные усилия по решению проблем и угроз, стоящих перед устойчивым развитием региона и решаемых в рамках формирования как двусторонних, так и многосторонних отношений. Выявлена динамика политического и военного взаимодействия Китая с его центральноазиатскими партнерами. Показано, что региональная сфе-

ра безопасности напрямую увязывается Китаем с проблемой защиты своих экономических интересов в странах прохождения его программы «Один пояс – один путь», нацеленной на изменение экономического ландшафта не только ЦА, но и всей Азии. Определена стратегия в ЦА Индии и Японии, позиции которых сблизились на фоне возвышающегося Китая. Политика в постсоветской ЦА Китая, Индии и Японии проанализирована сквозь призму складывания в Азии полицентричного мира. Его отличительными чертами являются появление новых региональных «центров силы», их противостояние по линии китайско-пакистанского и китайско-индийского соперничества, вовлеченность в региональные процессы внешних игроков (США). Внимание в этой связи обращено на деятельность такой многосторонней международной структуры, как

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также на развитие альтернативных инфраструктурных проектов и концепций: Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), «Индо-Пацифик», «Сеть голубых точек». Результаты исследования формулируются в следующем выводе: страны Центральной Азии и крупные региональные экономические державы Азии базируют свои отношения на основе взаимовыгодных интересов и равноправного партнерства независимых государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Центральная Азия, Китай, Индия, Япония, крупные азиатские государства, полицентричный мир, внешнеполитическая многовекторность, стабильность, «Один пояс – один путь», Шанхайская организация сотрудничества*

В пользу того, что наступивший век – азиатский, все увереннее говорят объективные данные: демографические, согласно которым к 2025 г. в Азии будет проживать три четверти населения земного шара; и, главное, экономические, согласно которым именно Азия, географической частью которой являются и пять бывших советских республик ЦА, представлена в настоящее время несколькими крупнейшими экономиками мира; на все азиатские страны приходится свыше половины мирового валового внутреннего продукта, а сами эти страны, которые отличает возросшая инвестиционная активность, давно вносят существенный вклад в развитие международной торговли, технологические свершения¹.

Свидетельством растущей роли в мире Азии стало и произошедшее на исходе

2020 г. событие – заключение 15 ноября в Ханое на саммите Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) соглашения о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП, *The Regional Comprehensive Economic Partnership*). В странах – участницах нового экономического объединения (Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония и Новая Зеландия) проживает почти треть населения мира (2,2 млрд человек); на ВРЭП приходится в общей сложности 82% мирового промышленного производства и почти 30% (25,56 трлн долл. США) совокупной экономики всего мира².

Трансформируется и политическое «лицо» Азии, где российскими исследователями фиксируется зародившаяся под «покровом» биполярности тенденция к формированию многополярного мира [Симония, Торкунов 2013, с. 22]. Эта новация в международных отношениях в Азии замечена также китайскими и индийскими учеными, которые полагают, что если период биполярности характеризовался, как правило, приверженностью стран какому-то одному «центру силы», то ныне практически все азиатские государства, включая и центральноазиатские, стремятся реализовать в своих внешнеполитических практиках концепцию многовекторности [Чжао Хуашэн 2020; *Chinoy, Panda* 2020]. Обращает на себя внимание и то, что некоторые крупные государства Азии, используя многообразие международно-политических практик и борясь с внутренними дисбалан-

1 Запольскис А. (2020) «Прощай, Америка»: китайский вариант Евросоюза // REGNUM, 23 ноября 2020 // <https://regnum.ru/news/economy/3121936.html>, дата обращения 25.11.2020.

2 Asia-Pacific Allies Sign Huge Trade Deal with China While U.S. Sits It Out (2020) // NPR, November 17, 2020 // <https://www.npr.org/2020/11/17/935322859/asia-pacific-allies-sign-huge-trade-deal-with-china-while-u-s-sits-it-out>, дата обращения 18.11.2020.

сами, проводят политику регионализма (см. подробнее: [Кузнецов, Малышева 2017]).

В данной статье проанализированы отдельные направления международно-политического взаимодействия с постсоветской ЦА (преимущественно в 2019–2020 гг.) ведущих азиатских государств: Китая, Индии, Японии. Прослеживаются также возможности формирования в Азии полицентричного миропорядка в контексте деятельности Шанхайской организации сотрудничества и альтернативных ей объединений.

Первенство в ЦА остается за Китаем, и он, невзирая на пандемию коронавируса, продолжает уверенно обозначать Центрально-Азиатский регион зоной своих первоочередных интересов.

Фактор Китая в ЦА

Продвижение в ЦА Китая, совершившего впечатляющий прорыв в сферу глобальной экономики и политики, изначально зиждилось на экономическом фундаменте, на стремлении интенсифицировать торговые отношения и обеспечить свою растущую экономику необходимыми нефтегазовыми ресурсами.

Торжественно презентованная КНР в 2013 г. в Казахстане «Экономическая программа пояса и пути» (в новейшей версии – «Один пояс – один путь», ОПОП) – достаточно амбициозный проект, нацеленный на изменение экономического ландшафта не только ЦА, но и Азии (см. подробнее: [Малышева 2019, с. 101–104]). Речь идет о прокладывании новых транспортных и эконо-

мических коридоров, которые позволят Китаю доставлять свои товары в Европу сухопутным путем – через страны ЦА, особенно Казахстан. Последний уже является, по оценке известного казахстанского ученого Б. Султанова, «евразийским трансконтинентальным мостом» и своего рода «золотой калиткой» для попадания китайских товаров в Россию, страны Европы, Ближнего и Среднего Востока³.

В регионе ЦА Китай воспринимается как государство, добившееся впечатляющих успехов в переводе своей централизованной системы на рельсы рыночной экономики, т. е. в движении по той же траектории, которую избрали все бывшие советские республики. Успешному продвижению Китая в ЦА благоприятствует также и то, что с помощью его щедрых кредитов развивающимся странам региона удастся создавать и модернизировать жизненно необходимую инфраструктуру: дороги, линии электропередач, ТЭЦ и пр. Кроме того, в международных стратегических раскладах правящих элит центральноазиатских стран Китаю как потенциальному инвестору и выгодному потребителю энергоресурсов отводится нередко роль противовеса действующим в ЦА региональным и глобальным игрокам.

Но взаимодействие стран ЦА с Китаем не ограничивается исключительно экономической сферой. Важным направлением региональной стратегии КНР становится военно-политическая сфера, которая не ограничивается в настоящее время одними лишь действиями, направленными на совместную борьбу против «трех зол»: терроризма, экстремизма, сепаратизма. Ки-

3 Интервью директора Исследовательского института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета Булата Султанова (2020) // Kazakhstan Today. 13 ноября 2020 // https://www.kt.kz/rus/inter-view/_1377907837.html, дата обращения 20.11.2020; см. также: [Chen, Jiménez-Tovar 2017, pp. 431–432].

тай напрямую увязывает задачи поддержания безопасности в ЦА с проблемой сохранения приемлемого уровня стабильности в своем Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), заселенном преимущественно уйгурами. Среди них имеется достаточно много сторонников отделения от Китая, и именно СУАР был превращен в арену деструктивных действий Исламским движением Восточного Туркестана (ИДВТ) – организацией, ответственной за совершение в Китае в конце 2013 – начале 2014 г. громких террористических актов и признанной потом террористической в самом Китае, а также в России и ряде других стран.

Ситуация усугубляется и тем, что многие выходцы из СУАР, предположительно сторонники ИДВТ, воевали и продолжают воевать на стороне запрещенного в РФ и Китае «Исламского государства». Возможность их возвращения из Афганистана и Ближнего Востока на родину с целью реализации давнего замысла – создания на территории СУАР КНР «Исламского государства Восточный Туркестан» – рассматривается как серьезная угроза и властями Центрального Китая, и странами ЦА, особенно теми, кто непосредственно граничит с СУАР: Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном.

Не секрет, что сепаратистские настроения в СУАР подпитываются извне силами, заинтересованными в ослаблении Китая через его дестабилизацию, которая неизбежно повлияет и на центральноазиатских соседей КНР. Тре-

вожным знаком служит, в частности, принятие 6 ноября 2020 г. Государственным департаментом США под предлогом того, что «нет убедительных доказательств существования ИДВТ», решения о его исключении из списка террористических организаций, а обвинения организации в терроризме официальные власти Китая используют как предлог для преследования уйгуров⁴. Возможно, однако, предположить, что таким шагом США, включившие Китай в число своих главных стратегических противников, просто снимают препятствие для переброски террористов в Синьцзян и Центральную Азию с целью создания пояса нестабильности на территориях прохождения ОПОП⁵. Это и побуждает Китай плотнее заняться в Центрально-Азиатском регионе проблемами обеспечения безопасности.

Основным ее гарантом там остается РФ, и это объективно выгодно Китаю, заинтересованному в сохранении мира и стабильности в центральноазиатских странах, с которыми он развивает сотрудничество в сфере экономики и политики. Но и Китай предпринимает в ЦА серьезные усилия, направленные на защиту своих интересов военными средствами, постепенно расширяя в регионе свое военное влияние.

По данным американских исследователей из Института Кеннана, доля Китая на центральноазиатском рынке вооружений возросла с 1,5% в 2010 г. до 18% в 2014-м. Помимо обычных вооружений, транспортных самолетов, систем противовоздушной обороны,

4 US Removes Shadowy Group from Terror List Blamed by China for Attacks (2020) // The Guardian, November 6, 2020 // <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/06/us-removes-shadowy-group-from-terror-list-blamed-by-china-for-attacks>, дата обращения 03.12.2020.

5 См., например: Госдеп начал переброску террористов в Синьцзян и Центральную Азию (2020) // Фонд стратегической культуры. 12 ноября 2020 // <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/12/gosdep-nachal-gotovit-perebrosku-terroristov-v-sincz-jan-i-centralnyu-aziu-52239.html>; Рожин Б. (2020) Стратегия «Один пояс – один путь» и стратегическая нестабильность на Ближнем Востоке // Федеральное агентство новостей. 4 декабря 2020 // <https://riafan.ru/1347092-strategiya-odin-poyas-odin-put-i-strategicheskaya-nestabilnost-na-blizhnem-vostoke>, дата обращения 04.12.2020.

легкой бронетехники и др., Китай поставляет в центральноазиатские страны – преимущественно в Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – также и боевые беспилотники [Jardine, Lemon 2020]. Народная вооруженная милиция Китая провела в 2019–2020 гг. несколько совместных антитеррористических учений с Росгвардией РФ, а также с бойцами специальных военизированных подразделений Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

Поскольку для Китая афганская проблема остается предметом особой озабоченности, Пекин предпринял вместе с соседями по региону ряд превентивных мер, направленных на предотвращение растекания по Азии нестабильности из Афганистана. Стремясь воспрепятствовать проникновению с территории Афганистана уйгурских боевиков, воюющих здесь в рядах «Исламского государства», Народная вооруженная милиция, входящая в состав вооруженных сил Китая, ведет с 2016 г. совместное с таджикскими военнослужащими патрулирование границы в Горно-Бадахшанском автономном районе Таджикистана, граничащем с афганским Ваханским коридором. Собравшиеся в столице СУАР – городе Урумчи – командующие вооруженных сил Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана запустили 3 августа 2016 г. новый переговорный формат, получивший наименование «Четырехсторонний механизм по сотрудничеству и координации в борьбе с терроризмом вооруженных сил Афганистана – Китая – Пакистана – Таджикистана» (*A Quadrilateral Cooperation and Coordination Mechanism in Counter Terrorism by Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan Armed Forces*) [Afghanistan, China,

Pakistan, Tajikistan Issue Joint Statement 2016]. Создание подобного механизма свидетельствует не только о том, что Китай намерен усилить свои позиции в обеспечении безопасности в регионе; он, как полагают эксперты, полон решимости «защитить свои экономические интересы в странах, пролегающих вдоль Великого Шелкового пути, от угроз терроризма и экстремизма»⁶.

Имеются и другие свидетельства намерений Китая обезопасить себя в ЦА по маршрутам прохождения ОПОП. Так, китайские частные охранные компании (КЧОК) (всего их насчитывается от 30 до 40, по некоторым подсчетам [Yau, Kley 2020, p. 4]), действующие в различных уголках мира (от Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии до Северной Америки), введены в состав недавно созданной «Национальной системы безопасности и разведки Пояса и Пути» (*Belt and Road National Security Intelligence System*) [Yau, Kley 2020, p. 3]. Считается, что шесть таких компаний находятся в ЦА. В отличие от Казахстана, где деятельность КЧОК ограничена законодательством, в Киргизии и Таджикистане они располагают большими возможностями. Осуществляющая заграничные операции китайская компания «Зарубежные охранники» (*Zhongjun Junhong – Overseas Security Guardians*) на своей тренировочной базе в Киргизии, где «охранники» обособились с 2015 г., готовит (вместе с обучением китайскому языку) сотрудников местных охранных отделений и, в частности, телохранителей для работающих в республике китайских бизнесменов. В ноябре 2018 г. *Zhongjun Junhong* заключила соглашение с государственной компанией КНР «Китайские железные дороги» на предмет охраны строи-

6 Холзода Н. (2016) Китай создает антитеррористический альянс с тремя мусульманскими странами // Радио Озоди. 11 августа 2016 // <http://rus.ozodi.org/a/27914356.html>, дата обращения 31.01.2021.

тельных площадок вдоль железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан [Yau, Kley 2020, pp. 6–7; Overseas Security Guardians 2020].

Таким образом, в отличие от прошлых лет, когда Китай ограничивал свое участие в решении политических и военных проблем ЦА, Пекином вырабатывается новая стратегия, предусматривающая активное вовлечение КНР в поддержание безопасности Центрально-Азиатского региона. Здесь, наряду с созданием структур, наделенных экономическими либо культурными функциями (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Сообщество единой судьбы, Институты Конфуция и др.), Китай нацеливается на обеспечение стабильности в своем центральноазиатском «тылу». В рамках притязания на глобальное лидерство Китай реализует также и собственные интересы, добиваясь формирования более сбалансированного, с точки зрения Пекина (китаецентричного?), мира. Претерпевает изменения и китайская внешняя политика в ЦА.

В 2020 г., по образцу американской «дипломатической платформы «C5+1», в рамках которой начиная с 2015 г. министры иностранных дел пяти центральноазиатских государств обсуждают с государственным секретарем США насущные проблемы Центрально-Азиатского региона, включая также параметры его взаимодействия с Афганистаном [United States Strategy for Central Asia 2020], Китай запустил диалоговый формат «Центральная Азия + Китай» (C + C5). 16 июля на платформе видеоконференции состоялась первая встреча глав внешнеполитических ве-

домств пяти стран ЦА и Китая. В итоговом документе заседания подчеркивалось, что такой многосторонний политический диалог, нацеленный в первую очередь на получение экономической взаимовыгоды, будет проводиться «в целях продвижения взаимовыгодного сотрудничества в новых условиях и совместного противодействия глобальным вызовам в защиту общих интересов»⁷.

Между тем усиление позиций Китая в ЦА устраивает в Азии далеко не всех – Индию и Японию в первую очередь.

ЦА как объект возрастающей активности Индии

Это крупное азиатское государство утратило в начале 1990-х гг. связи с бывшими советскими республиками ЦА – как по причине переживаемых Индией собственных сложных экономических проблем, так и из-за геополитических ограничений, связанных, в числе прочего, с враждебными действиями Пакистана и афганской нестабильностью⁸. Однако по мере превращения в 2000-е гг. в государство, осуществляющее внешнюю политику на основе растущего экономического и военно-политического потенциала, влияние Индии на происходящие в ЦА процессы заметно возросло.

Хотя ряд инициатив Индии в ЦА и можно рассматривать в контексте ее противодействия китайскому влиянию, в целом при проведении своей центральноазиатской политики Индия исходит в первую очередь из соб-

7 Совместное заявление встречи министров иностранных дел «Центральная Азия – Китай» в формате видеоконференции (2020) // Посольство Китайской Народной Республики в Туркменистане. 17 июля 2020 // <http://tm.china-embassy.org/rus/sbw/t1799089.htm>, дата обращения 29.11.2020.

8 Martand Jha (2016) India's Connect Central Asia Policy. A Look Back at India-Central Asia Relations in the Post-Soviet Era // The Diplomat, December 2, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/12/indias-connect-central-asia-policy-2>, дата обращения 17.11.2020.

ственных интересов. Есть и немало факторов, благоприятствующих упрочению индийских позиций в этом регионе. Во-первых, это сбалансированная внешняя политика Индии, которая поддерживает хорошие отношения и с США, и с Россией. Во-вторых, Индия воспринимается в ЦА как страна, способная создать определенный контрбаланс усиливающемуся влиянию в регионе Китая, – обстоятельство, вызывающее настороженность у части властных элит региона. В-третьих, Индия, благодаря своему выгодному географическому положению, может открыть центральноазиатским государствам, запертым внутри континента, выход к морям. И, наконец, в-четвертых, культурно и исторически Индия близка народам ЦА [Stopdan 2020, pp. 166–178] не меньше (а по каким-то параметрам даже и больше), нежели Китай.

Центрально-Азиатский регион включен в параметры индийской стратегии «расширенного партнерства» (*Extended Neighborhood*), а обнародованная в 2012 г. программа «Связь с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*) предполагает «проактивное участие» Индии в делах региона – «в политической, экономической сфере, в области общественных обменов и связей как индивидуально с каждой страной региона, так и коллективно» [Байдаров 2019, с. 233]. Программа предусматривает политическое сотрудничество, экономическую кооперацию, стратегическое взаимодействие, налаживание региональных связей, внедрение информационных технологий (ИТ),

помощь в развитии образования, контакты между людьми, сотрудничество в сфере медицины⁹.

Высокого уровня взаимодействия Индия достигла в отношениях с Казахстаном. Его транспортный потенциал используется индийской стороной для развития Международного транспортного коридора «Север – Юг», а имеющиеся в Казахстане немалые запасы энергоносителей открывают перед индийскими компаниями заманчивые перспективы в области разведки и разработки нефтегазовых месторождений. Особый интерес Индия проявляет к поставкам урана из Казахстана – обладателя почти 15% мировых запасов урана и одного из лидеров по урановому производству. Вслед за подписанным 24 января 2009 г. в Нью-Дели Национальной атомной компанией «Казатомпром» и департаментом атомной энергии Индии Меморандумом о взаимопонимании, закрепленным в апреле 2011 г. в Астане (ныне Нур-Султан) Соглашением о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии, сторонами в 2015 г. был заключен контракт на поставку в Индию в 2015–2019 гг. 5 тыс. тонн урана¹⁰. Ведутся активные переговоры о возобновлении в 2021 г. новых договоренностей.

Тесное экономическое сотрудничество налажено и с Узбекистаном. С ним 18 января 2019 г., во время посещения президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым международного форума «Динамичный Гуджарат» в индийском городе Гандинагар (штат Гуджарат), было заключено соглашение о долгосрочных поставках урана в Индию¹¹.

9 Connect Central Asia Policy (2019) // Drishti, July 26, 2019 // <https://www.drishtitias.com/to-the-points/Paper2/connect-central-asia-policy>, дата обращения 17.11.2020.

10 Казахстан поставит в Индию 5 тыс. тонн урана (2015) // NewTimes.kz. 8 июля 2015 // <https://newtimes.kz/ekonomika/16908-kazakhstan-postavit-v-indiyu-5-tys-tonn-urana>, дата обращения 05.01.2021.

11 Узбекистан и Индия подписали соглашение о долгосрочных поставках урана (2019) // Подробно.uz. 18 января 2019 // <https://www.podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-indiya-podpisali-s>, дата обращения 05.01.2021.

В Узбекистане действуют 145 предприятий с долевым участием индийского капитала; между Андижанской областью Узбекистана и индийским штатом Гуджарат, а также между Самаркандом и Агрой подписан Меморандум о взаимопонимании [Mustajova 2019, р. 33]. Кроме того, в Андижане учреждена Свободная фармацевтическая зона «Андижон-фарм», рассчитанная на привлечение индийских инвестиций и передовых технологий¹². Особое внимание в двустороннем индийско-узбекистанском сотрудничестве уделено культурно-гуманитарным вопросам.

О приоритетном значении, придаваемом Узбекистаном Индии, свидетельствуют два официальных визита президента Ш. Мирзиёева в Индию, участие министра иностранных дел Узбекистана Абдулазиза Камилова в состоявшейся 14–15 января 2020 г. представительной международной конференции по геополитике и геоэкономике «Диалог Райсина»¹³ [Marjani 2020].

В рамках углубления стратегического взаимодействия между Индией и Центральной Азией в ноябре 2019 г. Индия и Узбекистан провели первые в истории совместные военные учения в Узбекистане. В том же месяце Индия и Узбекистан заключили соглашение о сотрудничестве в области безопасности и подписали пакт о взаимодействии в борьбе с терроризмом [Marjani 2020].

Рубежным в плане активизации политики в ЦА стал для Индии 2015 г.: тогда в ходе своего регионального турне премьер-министр Нарендра Модии посетил все пять республик ЦА. С 12 по 13 января 2019 г. в узбекистанском Са-

марканде прошла первая встреча министров иностранных дел стран ЦА и Афганистана в формате диалога «Индия – Центральная Азия». 28 октября 2020 г. состоялось второе заседание глав внешнеполитических ведомств в формате видеоконференции. Эти встречи нацелены на изыскание путей расширения сотрудничества между Индией и Центральной Азией, а также на выработку мер, ведущих к нормализации ситуации в Афганистане. В целом на Индию в ЦА все чаще смотрят не только как на выгодного экономического партнера и потенциального инвестора, но и как на становящийся все более влиятельным «центр силы» в регионе.

«Скромное обаяние» Японии в ЦА

В сравнении с Китаем и Индией роль в странах ЦА такого крупного и развитого азиатского государства, как Япония, внешне не столь заметна. Являясь геополитической союзницей Индии, Япония сблизилась с ней на фоне возвышающегося Китая. Его активность в ЦА стала для Японии стимулом, побудившим ее усилить в регионе свое присутствие.

Но, разумеется, не только китайским фактором обусловлен растущий интерес Японии к ЦА. Зависящая в основном от энергоресурсов, поставляемых с Ближнего Востока, Япония в своем стремлении диверсифицировать маршруты доставки нефти и газа особое внимание уделяет центральноазиатскому направлению своей политики, стремится получить доступ к нефтегазовым, урановым и прочим богатствам ЦА.

12 В Андижанской области создается свободная экономическая зона (2019) // NUZ.uz. 16 января 2020 // <https://nuz.uz/ekonomika-i-finsany/38051-v-andizhanskoj-oblasti-sozdaetsya-svobodnaya-ekonomicheskaya-zona-dlya-privlecheniya-investitsiy-i-farmaceuticheskix-tehnologiy-iz-indii.html>, дата обращения 04.12.2020.

13 Райсина Hill – район Нью-Дели, где находятся правительственные учреждения.

Неудивительно, что разработанная в Японии в 1997 г. программа под названием «Дипломатия Великого Шелкового пути» ставила задачи получения альтернативных ближневосточным источникам энергоснабжения промышленности Японии (см. подробнее: [Мурашкин 2012]). В последующие годы Япония была поставлена перед необходимостью участия в торговых и инвестиционных проектах в ЦА, чтобы не проиграть конкуренцию более активным соседям, прежде всего Китаю и Южной Корее. В Токио рассматривался даже вариант присоединения к ШОС. Однако от этой идеи отказались, поскольку посчитали, что Япония при доминировании в ШОС Китая не сможет здесь эффективно противостоять ему [Парамонов, Пузанова 2018, с. 50].

Примечательно, что Япония первой (с 2004 г.) стала проводить ежегодные встречи с представителями пяти центральноазиатских государств, назвав их Инициативой «Центральная Азия + Япония». Цель ее состояла в усилении политического и экономического влияния Японии в ЦА, с тем чтобы занять лидирующие позиции в разработке энергоресурсов и в торговых отношениях. В октябре 2015 г. японский премьер-министр Синдзо Абэ, совершивший визит в Монголию и пять стран ЦА, попытался активизировать Инициативу, сделав основной упор на установлении сотрудничества с ЦА в транспортной и логистической сферах. Таким способом Япония попыталась создать противовес китайскому ОПОП. Финансирование японским правительством в ЦА некоторых инфраструктурных проектов осуществляется через Азиатский банк развития и Японское агентство международного сотрудничества [Парамонов, Пузанова 2018, с. 46].

Деятельность Японии по оказанию помощи развитию странам ЦА во многом перекликается с задачами в сфере

обеспечения безопасности, хотя имеет свою специфику – несет отчетливую антикитайскую направленность. В то же время, будучи одним из ведущих экономических доноров региона, Япония завоевала в ЦА довольно высокий авторитет, обрета здесь также позитивный имидж миролюбивой и дружественной страны, не выдвигающей на передний план намерений навязывать собственное видение международных проблем. Трудно не заметить при этом, что подходы к ЦА Японии и других крупных азиатских государств во многом определяются спецификой их собственных межгосударственных отношений, а также их партнерскими и союзническими связями в глобальном мире.

ЦА в контексте складывания в Азии полицентричного мира

Важное место в подверженных постоянным изменениям международных отношениях в Азии несомненно занимает такая влиятельная многосторонняя организация, как ШОС. Она стимулирует региональное экономическое сотрудничество и способствует осуществлению взаимосвязи между многими интеграционными объединениями, наиболее значимым среди которых является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Облегчает ШОС и внедрение в азиатскую повестку дня целого ряда важных транспортных и торгово-экономических инициатив: ОПОП, китайско-пакистанского экономического коридора, российско-индийско-иранского проекта «Международный транспортный коридор «Север – Юг» и др.

На состоявшемся в столице Казахстана 9 июня 2017 г. расширенном заседании Совета глав государств – членов ШОС было официально утверждено членство в организации Индии и Паки-

стана. Данный шаг, позволивший увеличить политико-географическое пространство ШОС, ознаменовал вступление организации в новый этап развития. Но это привело также и к тому, что в своей деятельности ШОС стала частично пересекаться с другими международными организациями, действующими в регионе.

Это и Содружество Независимых Государств (СНГ), членами которого являются многие участвующие в ШОС страны. Это и включающая в себя Россию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая широко вовлечена в Азии в борьбу с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и оружия. Это и Евразийский экономический союз, в который, помимо Армении и Белоруссии, входят также Россия, Казахстан и Киргизия; Союз нацелен на достижение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также на реализацию скоординированной экономической политики. То есть многие задачи, которые ставит перед собой ШОС, решаются на уровне других международных объединений, что зачастую приводит к дублированию их деятельности.

Расширение ШОС за счет новых членов, отношения между которыми изначально были непростыми, ставит перед организацией новые вызовы: они могут быть вызваны перманентными межгосударственными кризисами как в Афганистане, так и в Южной Азии. Там периодически обостряются индо-пакистанские трения по кашмирской проблеме, в рамках которой Индия обвиняет Пакистан в поддержке местных сепаратистов; не утихает противо-

стояние Индии с Пакистаном в Афганистане, где Индия стремится воспрепятствовать приходу к власти в Кабуле пропакистанских сил, а официальный Исламабад ставит своей целью предотвратить потенциальную угрозу его «стратегического окружения» Индией и Афганистаном. Дипломат и эксперт по внешней политике Индии Пхунчок Стобдан (*Phunchok Stobdan*) полагает, что в основе противостояния Индии с Пакистаном лежат «соображения безопасности, связанные в особенности с афганской ситуацией и возникновением Талибана <...> с подъемом и распространением исламского фундаментализма, а также со страхами, что Пакистан может использовать региональное окружение в своих интересах для противостояния с Индией» [*Stopdan* 2020, p. 218].

Что касается отношений Индии с Китаем, то они, будучи исторически достаточно сложными, за последние несколько лет не улучшились. Одна из главных причин разногласий – неурегулированные пограничные вопросы, которые в прошлом неоднократно приводили оба государства к войнам. Кроме того, Индия не может примириться с тем, что Китай открыто поддерживает Пакистан и его антииндийские действия на международной арене.

Немаловажная причина индийско-китайских разногласий – углубившийся между этими двумя «азиатскими гигантами» экономический дисбаланс. Так, по данным Всемирного банка, ВВП Китая составил в 2018 г. 13,895 млрд долл., а Индии – только 2,653 млрд; в 2019 г. ВВП Китая равнялся 14,342 млрд долл., Индии – 2,875 млрд¹⁴. Значительно превосшел Китай Индию и по военным расходам.

14 GDP (current US\$) – China, India, United States. World Bank National Accounts Data (2020) // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN-IN-US>, дата обращения 08.11.2020.

По данным индийского исследователя С. Кальянарамана, китайские расходы на оборону, исчисляемые в 266,5 млрд долл. США, в четыре раза превышают индийские¹⁵. Конфликт интересов возникает у Китая и Индии в Южной и Центральной Азии, а также в Индийском океане.

Серьезным вызовом для ШОС стал пограничный конфликт на одном из участков пакистано-индийской границы – в Ладакхе. Эта историческая область, входившая в состав штата Джамму и Кашмир, решением индийского правительства от 5 августа 2019 г. была отделена от этого штата. Он, в свою очередь, был упразднен и наделен, как и Ладакх, новым статусом – «союзная территория»¹⁶. Против такого решения Индии выступил как Пакистан, так и Китай¹⁷, после чего обстановка в этом и без того неспокойном спорном регионе еще сильнее обострилась. Так, в мае-июне 2020 г. там произошли спорадические вооруженные столкновения.

Урегулировать конфликтную ситуацию постарались собравшиеся в сентябре 2020 г. на совещание в Москве главы оборонных ведомств стран – участниц СНГ, ОДКБ и ШОС. С учетом того, что в конфликте Индии с Пакистаном последний был поддержан Китаем, важное значение имели состоявшиеся в Москве на «полях» ШОС переговоры министров обороны Индии Раджнатха Сингха и КНР Вэй Фэнхэ о нормализации обстановки на китайско-индийской границе. Конфликтующие стороны не стали обра-

щаться в ШОС с просьбой о посредничестве, и потому организации не пришлось брать на себя функцию арбитра в разрешении спора между этими тремя участниками ШОС. Напомним, что за время существования ШОС нередкими были несовпадения интересов между ее отдельными членами (например, между Узбекистаном времен президентства Ислама Каримова и Таджикистаном). Так что недавние межгосударственные политические трения участников ШОС в целом не сказались на основных направлениях деятельности организации.

Поскольку противостояние с Китаем прогнозируется в Индии на достаточно долгую перспективу, республика начала искать поддержку у США, учитывая, что в период президентства Дональда Трампа США до предела обострили отношения с Китаем. Поставив на Индию как на страну, способную создать региональный противовес Китаю, США подкрепили свою тактическую игру массированной военной поддержкой Индии.

В 2016 г. Пентагон наделил ее статусом «Основного партнера по обороне» (*Major Defense Partner, MDP*), дав понять тем самым, что вектор американской политики в Южной Азии смещается от Пакистана к Индии. С последней США подписали 27 октября 2020 г. очередное военно-стратегическое соглашение (*Basic Exchange and Cooperation Agreement for Geo-Spatial Cooperation, BECA*), меняющее в пользу Индии баланс сил в регионе, что способно привести, по мнению пакистанской

15 Kalyanaraman S. (2020) The China-India-US Triangle: Changing Balance of Power and a New Cold War // Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses, October 21, 2020 // <https://idsa.in/idsacomments/the-china-india-us-triangle-kalyanaraman-210920>, дата обращения 25.10.2020.

16 Куприянов А. (2019) Смена статуса: почему Джамму и Кашмир перестал быть штатом // Известия. 7 августа 2019 // <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriyanov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>, дата обращения 07.08.2019.

17 Китай выступил против решения Индии об изменении статуса приграничной области Ладакх (2019) // ТАСС. 6 августа 2019 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6738197>, дата обращения 06.08.2019.

стороны, например, к росту здесь напряженности¹⁸.

Помимо поддержки своих военнопартнерских партнеров – Японии и Индии, – США занялись формированием в Азии антикитайских альянсов. Таким, в частности, стала «четверка», КВАД (*Quadrilateral Security Dialogue, QUAD*) – неформальная стратегическая структура четырех государств (Австралия, Индия, США, Япония), не желающих усиления Китая и стремящихся обеспечить безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны-участницы «четверки», а также те, кто разделяет новую геополитическую концепцию КВАД, предпочитают именовать регион Индо-Тихоокеанским, или же Индо-Пацификой. Этот географический термин содержит намек на единство Индийского и Тихого океанов, на общность судеб этих регионов [Wada Haruko 2020]. Важным в этой связи является и участие Японии в концептуальном обосновании проекта «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», обсуждавшегося японскими политиками еще в 1960-е гг. А о слиянии «двух морей» говорил в своем выступлении в индийском парламенте в 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ [Парамонов 2020].

Что касается Индии, то она, возможно, совершила стратегический просчет, примкнув к КВАД и проигнорировав ВРЭП, в котором, кстати, представлена Япония. Индия же, вслед за США, вы-

шла в 2019 г. из переговоров по ВРЭП. По мнению известного индийского политолога М.К. Бхадракумара, это может иметь для Индии негативные последствия, поскольку «для нее надолго закроется дорога в серьезный бизнес»¹⁹.

Очевидно, что КВАД является таким же своеобразным ответом на китайскую программу «Пояс и путь», как и инфраструктурный проект «Сеть голубых точек» (*The Blue Dot Network*)²⁰: они, как полагают некоторые эксперты, нацелены на то, чтобы «создать в регионе параллельную финансово-инвестиционную реальность, противоположную той, которую создает Пекин»²¹. Примечательно, что к этим проектам интерес проявляют и некоторые центральноазиатские страны, рассчитывающие на приток новых инвестиций²².

Тем не менее Индия получила известные преференции, благодаря новообретенному статусу привилегированного партнера США. Так, она стала второй после Израиля крупнейшей получателем американской помощи. США позволили Индии импортировать иранскую нефть, несмотря на введенные ими самими санкции против Ирана, и Индия стала второй после Китая покупательницей иранской нефти. Имеющий прямой выход к Индийскому океану иранский порт Чабахар и связанная с ним железная дорога, отстроенная при участии индий-

18 Yousaf K. (2020) US-India Military Pact Threatens Regional Peace, Warns Pakistan // The Tribune, October 27, 2020 // <https://tribune.com.pk/story/2270117/us-india-military-pact-threatens-regional-peace-warns-pakistan>, дата обращения 27.10.2020.

19 Bhadrakumar M.K. (2020) India's Farewell to ASEAN as it Boards RCEP Train // Indian Punchline, November 14, 2020 // <https://indianpunchline.com/indias-farewell-to-asean-as-it-boards-rcep-train>, дата обращения 11.11.2020.

20 Этот проект официально был представлен на Индо-Тихоокеанском бизнес-форуме, организованном в рамках 35-го саммита АСЕАН (Таиланд, 2–4 ноября 2019 г.).

21 Гулевич В. (2019) Индо-Тихоокеанский регион: США, Япония и Австралия vs Китай // Международная жизнь. 10 декабря 2020 // <https://interaffairs.ru/news/show/24773>, дата обращения 14.11.2020.

22 Узбекистан намерен присоединиться к американской альтернативе проекта «Один пояс – один путь» (2020) // KUN.uz. 8 июля 2020 // <https://kun.uz/ru/news/2020/07/08/uzbekistan-nameren-prisoyedinitiya-k-amerikanskoj-alternative-proyektu-odin-poyas-odin-put>, дата обращения 14.11.2020.

ских специалистов, были выведены в ноябре 2018 г. из-под односторонних американских санкций. Это, возможно, было обусловлено намерением администрации США создать противовес китайскому присутствию в пакистанском порту Гвадар, не препятствовать поставкам в Афганистан несанкционированных товаров и иранских нефтепродуктов, стимулировать развитие партнерских отношений между Афганистаном и Индией.

Жизнь, однако, внесла в эти планы свои коррективы: летом 2020 г. Иран исключил Индию из железнодорожного проекта Чабатар – Захедан (административный центр граничащей с Афганистаном и Пакистаном иранской провинции Систан и Белуджистан), сославшись на задержки индийского финансирования. Возможно, приостановка участия Индии в проекте была связана с американскими санкциями против Ирана. Но нельзя исключить и того, что за возникшей коллизией, как подозревают в Индии, «маячит тень Китая», взявшегося теперь за финансирование этого проекта²³.

В целом же поддержка США стала решающей для поиска альтернативного (через Иран) пути выдвижения Индии в ЦА, поскольку отказавший Индии в транзите через свою территорию Пакистан ограничил возможности для взаимодействия Индии со странами ЦА. Да и объективно интересы Индии в этом регионе совпадают по ряду параметров с американскими: обе стороны нацелены, с одной стороны, на сдерживание Китая, с другой – на обеспечение беспрепятственного притока в Афганистан энергосырья и товаров из ЦА.

Подведем некоторые итоги.

Противостояние по линии китайско-пакистанского, китайско-индийского, китайско-японского соперничества негативно сказывается на всей политической атмосфере региона, снижает порой эффективность экономических программ, продвигаемых в ЦА крупными азиатскими государствами (Китаем в первую очередь), облегчает возможность реализации проектов, инициируемых нерегиональными глобальными игроками, нацеленными на вытеснение Китая и России из центральноазиатского пространства.

Направленная на дискредитацию Китая массированная информационно-пропагандистская кампания (она пускает свои корни также на казахстанской и киргизской почве) имеет мало общего с реальными результатами взаимовыгодного сотрудничества Китая с государствами ЦА. Тем более не представляет Китай угрозы для безопасности региона, а его политика в СУАР подчинена задачам сохранения целостности государства, поддержания стабильности, предотвращения распространения экстремистских и террористических угроз.

Территориальные разногласия Китая с другими крупными азиатскими государствами относятся к сфере двусторонних межгосударственных отношений, а в ЦА все они – и Китай, и Индия, и Япония – в первую очередь заинтересованы в реализации собственных экономических и политических интересов. Этому подчинены их приоритеты и устремления в регионе.

Принимая во внимание тот объективный факт, что страны ЦА и крупные

23 Suhasini Haidar (2020) Iran Drops India from Chabahar Rail Project, Cites Funding Delay // The Hindu, July 14, 2020 // <https://www.thehindu.com/news/national/iran-drops-india-from-chabahar-rail-project-cites-funding-delay/article32072428.ece>, дата обращения 29.12.2020.

региональные экономические державы Азии базируют свои отношения на основе равноправного партнерства независимых государств, можно предположить, что сотрудничество между ними в различных сферах и направлениях имеет перспективу. Помощь развитию, предоставляемая крупными азиатскими государствами, позитивно воспринимается странами Центрально-Азиатского региона, заинтересованными в диверсификации своих экономических и политических связей в рамках проводимой ими многовекторной политики.

Такая структура, как ШОС, при использовании ее инструментального потенциала способна привести международно-политический процесс в Азии к успешному результату – формированию в этом обширном регионе полицентричного и стабильного мира, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка, содействию всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию. Этот результат отвечает в конечном итоге интересам как России, так и ее партнеров и союзников в постсоветской ЦА.

Список литературы

- Байдоров Е.У. (2019) Индия и страны Центральной Азии: на встречу друг к другу // *Alatau Academic Studies*. № 4. С. 231–242. DOI: 10.17015/aas.2019.194.26
- Кузнецов А.В., Малышева Д.Б. (ред.) (2017) Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами. М.: ИМЭМО РАН. DOI: 10.20542/978-5-9535-0507-9
- Малышева Д. (2019) Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 5. С. 101–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108
- Мурашкин Н.Ю. (2012) Дипломатия «Великого Шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992–2009 гг.) // Япония. Ежегодник. М.: АИРО–XXI. С. 24–50.
- Парамонов О. (2020) Индо-Тихоокеанская доктрина Синдзо Абэ – основа будущей внешней политики Японии // *Эксперт*. 11 сентября 2020 // <https://expert.ru/2020/09/11/doktrina-sindzo-abe---osnova-budushej-vneshnej-politiki-yaponii>, дата обращения 25.09.2020.
- Парамонов О.Г., Пузанова О.В. (2018) Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // *Сравнительная политика*. Т. 9. № 3. С. 42–60. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60
- Симония Н.А., Торкунов А.В. (2013) Глобализация и проблема мирового лидерства // *Международная жизнь*. № 3. С. 22–35.
- Чжао Хуашэн (2020) Биполярность, однополярность и многополярность в современном мире // *Российский совет по международным делам*. 28 октября 2020 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolyarnost-odnopolyarnost-i-mnogopolyarnost-v-sovremennom-mire>, дата обращения 29.10.2020.
- Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Issue Joint Statement on Anti-terrorism (2016) // Ministry of National Defense. The People's Republic of China, August 4, 2016 // http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm, дата обращения 01.12.2020.
- Chen Julie Yu-Wen, Jiménez-Tovar S. (2017) China in Central Asia: Local Perceptions from Future Elites // *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 3, no 3, pp. 429–445. DOI: 10.1142/S2377740017500178

Chinoy S.R., Panda J.P. (eds.) (2020) *Asia between Multipolarism and Multipolarity*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses // https://idsa.in/system/files/book/asia-multipolarism-multipolarity-book_1_com.pdf, дата обращения 08.06.2020.

Jardine B., Lemon E. (2020) In Russia's Shadow: China's Rising Security Presence in Central Asia // Kennan Cable. No 52, May // https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200519_cable%2052_v1.pdf, дата обращения 31.05.2020.

Lynch I.J. (2020) What Are the Implications of China's Growing Security Role in Central Asia? // *The Diplomat*, June 3, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/what-are-the-implications-of-chinas-growing-security-role-in-central-asia/>, дата обращения 03.06.2020.

Marjani N. (2020) Uzbekistan's Significance in India's Central Asia Policy // *The CACI Analyst*, February 27, 2020, <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13603-uzbekistans-significance-in-indias-central-asia-policy.html>, дата обращения 28.10.2020.

Mustapova Kh. (2019) The Indian Strategy for Central Asia: Goals, Challenges and Prospects // *Journal "Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research"*, no 3(5), pp. 30–37. DOI: 10.5281/zenodo.3352243

Overseas Security Guardians (2020) // <https://www.zjjhgroup.com/en>, дата обращения 10.11.2020.

Stopdan P. (2020) *India and Central Asia: the Strategic Dimension*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses // <https://idsa.in/system/files/book/book-india-and-central-asia.pdf>, дата обращения 19.11.2020.

United States Strategy for Central Asia 2019–2025 (2020) // U.S. Department of State, February 5, 2020 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>, дата обращения 08.02.2020.

Wada Haruko S. (2020) The “Indo-Pacific” Concept. Geographical Adjustments and Their Implications // *Rajaratnam School of International Studies*, no 326 // <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/WP326.pdf>, дата обращения 08.06.2020.

Yau N., Kley D. (2020) The Growth, Adaptation and Limitations of Chinese Private Security Companies in Central Asia // *The Oxus Society for Central Asian Affairs* // <https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2020/10/the-growth-adaptation-and-limitations-of-chinese-private-security-companies-in-central-asia.pdf>, дата обращения 27.10.2020.

Post-Soviet Space

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Post-Soviet Central Asia in the Focus of Interests of Major Asian States (2019–2020)

Dina B. MALYSHEVA

DSc in Politics, Head of Sector Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

CITATION: Malysheva D.B. (2021) Post-Soviet Central Asia in the Focus of Interests of Major Asian States (2019 – 2020). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 82–99 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Received: 07.12.2020.

ABSTRACT. *The study aims at identifying some areas of international political interaction between post-Soviet Central Asian states and the major economic powers of Asia – China, India and Japan. The task is to determine their interests in the Central Asian region with an emphasis on the political component. The current state of political cooperation between China, India, Japan and the countries of Central Asia is considered. Their joint efforts to solve the problems and threats facing the sustainable development of the region are characterized, while overcoming those problems occurs within the framework of the formation of both bilateral and multilateral relations. The dynamics of political and military interaction between China and its Central Asian partners is revealed. It is shown that the regional security sphere is directly linked by China with the problem of protecting its own economic interests in the countries undergoing its Belt and Road program, aimed at changing the economic landscape not only in Central Asia, but through-*

out Asia. India and Japan, whose positions have come closer against the background of rising China, has defined their own strategies for Central Asia. Politics of major Asian powers in post-Soviet Central Asia are analyzed through the prism of the emergence of a polycentric world in Asia. Its distinctive features are: the emergence of new regional “centers of power”; their confrontation along the line of Sino-Pakistani, Sino-Indian rivalries; involvement of external players (the U.S.) in regional processes. In this regard, attention is drawn to the activities of such a multilateral international structure as the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as to the development of alternative infrastructure projects and concepts – QUAD, Indo-Pacific, Blue Dot Network. The results of the study are formulated in the following conclusion: the countries of Central Asia and the major regional economic powers in Asia base their relations on the foundation of mutually beneficial interests and equal partnership of independent states.

KEYWORDS: *Central Asia, China, India, Japan, major Asian states, polycentric world, multi-vector foreign policy, stability, “One Belt, One Road”, the Shanghai Cooperation Organization*

References

- Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Issue Joint Statement on Anti-terrorism (2016). *Ministry of National Defense. The People's Republic of China*, August 4, 2016. Available at: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm, accessed 01.12.2020.
- Baidarov E.U. (2019) India and Central Asian Countries: Towards Each Other. *Alatoo Academic Studies*, no 4, pp. 231–242 (in Russian). DOI: 10.17015/aas.2019.194.26
- Chzhao Khuashehn (2020) Bipolarity, Unipolarity and Multipolarity in the Modern World. *Russian International Affairs Council*, October 28, 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolarnost-odnopolynarnost-i-mnogopolynarnost-v-sovremennom-mire>, accessed 29.10.2020 (in Russian).
- Chen Julie Yu-Wen, Jiménez-Tovar S. (2017) China in Central Asia: Local Perceptions from Future Elites. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 3, no 3, pp. 429–445. DOI: 10.1142/S2377740017500178
- Chinoy S.R., Panda J.P. (eds.) (2020) *Asia between Multipolarism and Multipolarity*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. Available at: https://idsa.in/system/files/book/asia-multipolarism-multipolarity-book_1_com.pdf, accessed 08.06.2020.
- Jardine B., Lemon E. (2020) In Russia's Shadow: China's Rising Security Presence in Central Asia. *Kennan Cable*. No 52, May. Available at: [https://www.wilson-center.org/sites/default/files/media/up-](https://www.wilson-center.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200519_cable%2052_v1.pdf)
- loads/documents/KI_200519_cable%2052_v1.pdf, accessed 31.05.2020.
- Kuznetsov A.V., Malysheva D.B. (eds.) (2017) *The Major Developing States' Imbalances and the Specificity of their Interaction with the Neighboring Countries*, Moscow: IMEMO (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0507-9
- Lynch I.J. (2020) What Are the Implications of China's Growing Security Role in Central Asia? *The Diplomat*, June 3, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/what-are-the-implications-of-chinas-growing-security-role-in-central-asia>, accessed 03.06.2020.
- Malysheva D. (2019) Post-Soviet States of Central Asia in China's Policies. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 5, pp. 101–108 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108
- Marjani N. (2020) Uzbekistan's Significance in India's Central Asia Policy. *The CACI Analyst*, February 27, 2020, <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13603-uzbekistans-significance-in-indias-central-asia-policy.html>, accessed 28.10.2020.
- Murashkin N.Yu. (2012) Diplomacy of the “Great Silk Road” in Central Asia through the Prism of Japanese Perceptions of Security (1992–2009). *Japan. Yearbook*, Moscow: AIRO–XXI, pp. 24–50 (in Russian).
- Mustapova Kh. (2019) The Indian Strategy for Central Asia: Goals, Challenges and Prospects. *Journal “Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research”*, no 3(5), pp. 30–37. DOI: 10.5281/zenodo.3352243
- Overseas Security Guardians* (2020). Available at: <https://www.zjjhgroup.com/en>, accessed 10.11.2020.
- Paramonov O.G. (2020) Shinzo Abe's Indo-Pacific Doctrine is the Basis of Japan's Future Foreign Policy. *Expert*, September 11, 2020. Available at: <https://expert.ru/2020/09/11/doktrina-sindzo-abe--osnova-budushej-vneshnej-politiki-yaponii>, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Paramonov O.G., Puzanova O.V. (2018) Tokyo's Eurasian Diplomacy: Successes and Failures (1997–2017). *Comparative Politics*, vol. 9, no 3, pp. 42–60 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60

Simoniya N.A., Torkunov A.V. (2013) Globalization and the Problems of World Leadership. *International Affairs*, no 3, pp. 22–35 (in Russian).

Stopdan P. (2020) *India and Central Asia: the Strategic Dimension*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. Available at: <https://idsa.in/system/files/book/book-india-and-central-asia.pdf>, accessed 19.11.2020.

United States Strategy for Central Asia 2019–2025 (2020). *U.S. Department of State*, February 5, 2020. Available at: <https://www.state.gov/wp-con->

[tent/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf](https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf), accessed 08.02.2020.

Wada Haruko S. (2020) The “Indo-Pacific” Concept. Geographical Adjustments and Their Implications. *Rajaratnam School of International Studies*, no 326. Available at: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/WP326.pdf>, accessed 08.06.2020.

Yau N., Kley D. (2020) The Growth, Adaptation and Limitations of Chinese Private Security Companies in Central Asia. *The Oxus Society for Central Asian Affairs*. Available at: <https://oxusociety.org/wp-content/uploads/2020/10/the-growth-adaptation-and-limitations-of-chinese-private-security-companies-in-central-asia.pdf>, accessed 27.10.2020.